

Министерство культуры Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНСТВО
**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

**Из истории заселения
Анучинского района**

Документы и материалы

Владивосток, 2009

ТОЧКА НА КАРТЕ ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ УРОЧИЩА АНУЧИНА

Урочище Анучино, расположенное в огромном горно-таежном массиве Южно-Уссурийского края, – это относительно ровный участок речной долины, находящийся у места слияния рек Дауби-хе (ныне р. Арсеньевка) и Эрльдагоу (Муравейка), окруженный высокими и крутыми – до 500 и более метров высотой – сопками¹.

Существует несколько определений термина «урочище». В широком смысле «урочище» – это «любая часть местности, отличная от окружающей»². Причем отличаться она может и тем, что названа в честь какого-либо события, лица или примечательного предмета на местности. Таким образом, урочище это определенная часть территории, чем-то примечательная и получившая по этой причине свое особое название. Урочище, как правило, не имеет четких, строго определенных границ. В тоже время, это не населенный пункт в современном понимании. На его территории может располагаться деревня или село, а может и несколько деревень, причем они не обязательно будут носить то же название, что и урочище.

Есть несколько версий происхождения названия урочища Анучина. Одна официальная: «Осенью 1880 г. при прокладке дороги из с. Никольского (г. Уссурийск) в живописной излучине среди глухой тайги расположился второй Сибирский стрелковый батальон под командованием прапорщика Анучина и было начато строительство домов для семей, положивших основу возникновения села, впоследствии получившего название Анучино»³.

Эта версия вызывает множество вопросов. Действительно, как писал П.Ф. Унтербергер, бывший в период с 1888 по 1897 гг. военным губернатором Приморской области, «В первой половине 80-х гг. была построена колесная дорога от с. Никольского до ур. Анучино, где в то время стоял второй стрелковый батальон...[2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон – *Р.А.*]»⁴. В 1891 г. начальник Южно-Уссурийской округи А.В. Суханов характеризовал ее следующим образом: «От

Михайловки (станция Дубининская) идет тележный путь в долину Даубихэ до урочища Анучино на расстояние 86 верст, путь этот, проложенный в 1883 и 1884 гг. нижними чинами 1-й Стрелковой бригады [1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады – *Р.А.*], связывает крестьянские поселения, расположенные как на Даубихэ, так и в верховьях р. Лефу. До 1887 г., по неимению местного достаточного крестьянского населения на этом пути, исправление его производилось теми же военными чинами»⁵.

Таким образом, во-первых, прокладка дороги осуществлялась с 1883 по 1884 г., а, во-вторых, в 1880 г. прокладкой этой дороги никак не мог заниматься «второй Сибирский стрелковый батальон», так как такой военной части в Российской Империи в рассматриваемый период вообще не существовало. Речь может идти только о 2-м *Восточно-Сибирском* стрелковом батальоне, формирование которого как раз было начато в 1880 г. и который, позднее, действительно долгое время дислоцировался в ур. Анучина.

Вызывает вопрос и утверждение о том, что батальоном командовал прапорщик, тогда как по штату это должен быть офицер в чине не ниже подполковника. И только исключительные обстоятельства могли привести к «временному исполнению должности командира батальона» офицером, не произведенным предварительно в соответствующий чин. Действительно, в «Росписании* сухопутных войск исправленном по 25 июня 1880 г.», сказано, что 2-м Восточно-Сибирским стрелковым батальоном, который формируется из четырех рот 2-го Восточно-Сибирского линейного батальона, дислоцировавшегося в г. Троицкосавске Забайкальской области, командует «Подполковник Флоринский» (по другим данным – Флоренский)⁶. Таким образом, осенью 1880 г. прапорщик мог командовать только командой солдат, отправленной к месту будущей дислокации батальона, а не самим батальоном.

Другая версия, представленная, например, в одной из работ А.А. Хисамутдинова, гласит, что в «Анучино» была переименована деревня «Верхнеромановка», возникшая на месте телеграфного поста, а само название было дано в честь последнего генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа с 1879 по 1884 г. Дмитрия Гавриловича Анучина. Человека, который был одним из инициаторов создания Добровольного флота для перевозки на Дальний Восток морем крестьян-переселенцев и войск⁷. Телеграфный пост под названием Верхне-Романова действительно существовал и обозначен на картах 60-70-х гг. XIX в. как раз на территории будущего ур. Анучина⁸.

Подтверждением тому служит «Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 декабря 1883 г.» где говорится, что 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон (его формирование к этому времени было

---

* Здесь и далее сохранено написание документа. – Прим. сост.

уже завершено), под командованием «подполковника Флоренского», квартирует в ур. Анучино «временно близ телегр[афной] ст[анции] Верхне-Романовой»⁹. Появилась эта станция при следующих обстоятельствах.

В апреле 1862 г. по распоряжению Амурского комитета началось сооружение Амурско-Уссурийского телеграфа, который должен был связать г. Николаевск, Хабаровку и п. Новгородский в зал. Посыета¹⁰. На начальном этапе планировалось в Южно-Уссурийском крае проложить телеграф по старому почтовому пути – вдоль рек Уссури и Сунгача, а затем вокруг оз. Ханка. Однако, проведя рекогносцировку на местности, инженер-полковник Д.И. Романов в дальнейшем отказался от этого маршрута. Провести при имевшихся технических средствах телеграф через болотистые и регулярно затапливаемые местности было практически невозможно¹¹. Альтернативным вариантом стало проведение телеграфа долиной р. Уссури, затем вверх по долине р. Даубихе и далее на запад по сопкам, отделяющим бассейн р. Уссури от верховьев р. Лефу (Илистая). Местность в этом районе была более подходящая для строительства и при этом давала ряд преимуществ, в том числе и стратегических. Этим, с одной стороны, ликвидировалась опасная близость важнейшей линии связи к границе Китая, которого опасались как вероятного противника. С другой стороны, в техническом плане, это позволяло использовать при строительстве телеграфа мелкосидящие пароходы телеграфного ведомства для подвоза необходимых припасов и материалов, что в условиях бездорожья было фактором весьма важным.

Сооружение телеграфной линии велось силами солдат Восточно-Сибирских линейных батальонов по проекту и под руководством инженер-полковника Д.И. Романова, который еще будучи офицером для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве в 1857 г. разработал проект телеграфной линии для соединения Дальнего Востока с Европейской частью России. Проект осуществлен не был, но власти заметили талантливое офицера, и в дальнейшем ему неоднократно приходилось разрабатывать планы прокладки телеграфных линий в Восточной Сибири. Амурско-Уссурийский телеграф стал его первым реализованным проектом. Сперва была проведена городская телеграфная линия в Николаевске, соединившая к 30 октября 1862 г. резиденцию военного губернатора Приморской области с Николаевской телеграфной конторой. В декабре этого же года была отправлена телеграмма о завершении строительства первого участка Амурского телеграфа от Николаевска до с. Михайловского. К концу 1865 г. телеграфная линия дошла до Хабаровска и Де-Кастри. «Вообще же, на каждом участке Амурского телеграфа строительные работы велись как минимум три-четыре года. В первый год отдельные партии топографов исследовали местность и проводили по ней узкую просеку в 1 сажень шириной. Во

второй год на участок направлялась партия рабочих, которая расширяла просеку, ставила столбы, протягивала проволоку, строила здания телеграфных станций. После этого на данном участке открывалось телеграфное сообщение... На третий год на этом же участке просека несколько расширялась, в ряде мест строились мостики и гати. Если же местность была исключительно труднопроходимой, ... тогда дополнительные работы проводились и на четвертый год»¹².

К концу 1866 г. прокладка линии была завершена. По всей линии телеграфа через определенное расстояние друг от друга находились телеграфные станции. Среди них, на карте, которая была «составлена по карте Шварца и карте Южно-Уссурийского края, изданной в г. Иркутске чинами Генерального штаба в 1866 г.»*, была обозначена и станция «Верхне-Романова». Название было дано в честь инженера Д.И. Романова. На территории современного Анучинского района были основаны 4 телеграфных станции: Шкляево (Шкняево, Шекляево), Мельникова, Верхне-Романова и Орлова. Две из них – Мельникова и Верхне-Романова попали на территорию ур. Анучино¹³.

Телеграф требовалось проложить максимально быстро, что не могло не отразиться на качестве проводимых работ. Несмотря на то, что они велись на каждом участке в течение нескольких лет, а первоначальная проложенная просека в одну сажень при этом расширялась, Н.М. Пржевальский, путешествовавший в 1867-1868 гг. по Южно-Уссурийскому краю отмечал, что «просека... в лесах Уссурийского края имеет всего пять сажен ширины, так что падающие деревья беспрестанно портят проволоку, а через то действие очень часто прерывается, иногда на долгое время»¹⁴. В таких случаях именно телеграфные станции становились исходными пунктами, откуда начинался поиск порыва на линии. Жилось телеграфистам не сладко. Расстояние между телеграфными станциями составляло десятки верст. В таких условиях даже доставка провианта к ним была весьма затруднительна. По этой причине администрация Приморской области разрешила устраивать при телеграфных станциях огороды и выращивать на них овощи¹⁵.

Стратегическую важность этой телеграфной линии трудно переоценить. Проводной телеграф в тот период времени был самым совершенным и быстрым средством передачи информации на большие расстояния. Соответственно огромная ответственность ложилась на плечи сотрудников телеграфных станций, а сами станции автоматически приобретали статус пункта стратегической важности.

---

* Практически аналогичная карта была опубликована в первом издании книги Н.М. Пржевальского, в которой он описал свое путешествие по Южно-Уссурийскому краю в 1867-1868 гг. – *Прим. авт.*

Во время Манзовской войны 1868 г.^{*}, телеграфная станция Верхне-Романова оказалось в буквальном смысле слова в центре событий и чудом избежала участи сел Шкотово и Никольское, которые были сожжены.

После первых столкновений с отрядами русских войск на побережье, манзы стали уходить в сторону китайской границы. Путь их пролегал по старым таежным тропам вдоль рек Сучан (Партизанская), Майхэ (Артемовка) и Цимухэ (Шкотовка). Значительная часть этих троп выходила в район телеграфных станций Орлова и Верхне-Романова, откуда можно было легко спуститься по долине р. Лефу (Илистая) к оз. Ханка или уйти на запад к р. Суйфун (Раздольная). В этот же район спешно был направлен отряд русских войск из Хабаровки. Были подняты по тревоге и все немногочисленные русские войска, располагавшиеся вдоль почтовой дороги Владивосток – Раздольное – Никольское – Камень-Рыболов, которые должны были защитить русские селения и уничтожить отряды манз.

15 мая 1868 г. в Хабаровке было получено донесение, что отряд манз численностью в 500 человек находится на р. Лефу и может угрожать станции Верхне-Романова. А уже 16 мая из самой Верхне-Романовой было получено сообщение, что ей угрожает около 1000 манз, идущих на р. Даубихэ с Сучана. С 15 мая сообщение между станцией и с. Раздольным было прервано. Положение телеграфистов становилось критическим. Численность персонала станции была сравнительно невелика, причем иногда он не имел даже оружия. Из-за крайней малочисленности войск в крае и отсутствия дорог, командование помочь им практически не могло. Единственная инструкция, отданная сотрудникам Амурско-Уссурийского телеграфа, предписывала в случае нападения манз спасти самое ценное – телеграфные аппараты. По счастливой случайности, ни одна телеграфная станция нападению так и не подверглась.

Российские военные отряды добрались до Верхне-Романовой только 3 июля, когда остальные войска уже вели преследование мелких банд манз, еще не разбитых или не ушедших на китайскую территорию¹⁶.

В дальнейшем стратегическое значение ур. Анучино только возрастало, сказывалось особое географическое положение.

Манзовская война стала переломным моментом в развитии российских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Продемонстрировав недостаток регулярных войск и артиллерии, она стала толчком к их постепенному усилению и созданию целостной системы сухопутной обороны Дальнего Востока. В дальнейшем этот процесс стимулировался периодическими кризисами в англо-русских и российско-китайских

---

^{*} Так в историографии называется военное столкновение солдат линейных батальонов и казаков с выходцами из Китая, привыкшими издавна добывать на территории края золото, пушнину и женьшень и не желавшими считаться с новыми территориальными разграничениями между Россией и Китаем. – *Прим. авт.*

отношениях. Так, например, Кульджийский кризис, завершившийся подписанием в 1881 г. Санкт-Петербургского договора, привел к появлению в Южно-Уссурийском крае первых Восточно-Сибирских стрелковых батальонов и созданию Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Начавшийся в 1882 г. «Савеловский кризис» и обострение в российско-британских отношениях, вызванное как нежеланием Великобритании мириться с усилением России на Тихом океане, так и проблемами территориального разграничения в Афганистане, привели к увеличению количества Восточно-Сибирских стрелковых батальонов, созданию 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады и выделению в 1884 г. Приамурского военного округа в отдельную самостоятельную военно-административную единицу.

К этому времени, основные потенциальные направления нанесения удара по территории Южно-Уссурийского были уже известны, что и обуславливало общую концепцию размещения в нем войск. Наибольшую опасность для Приамурского военного округа представляли две страны – Англия и Китай. Первая могла угрожать главным образом с моря, создавая постоянную угрозу десанта, вторая – с суши. Таким образом, защищать следовало, прежде всего, наиболее десантоопасные районы и основные стратегические объекты на суше.

В первом случае, наибольшей опасности были подвержены районы зал. Посьета и Владивостока. Как писали офицеры Генерального штаба, «главное значение прибрежной полосы заключается в ее пригодности к производству десантов». «В Посьетском заливе для высадки значительных сил наиболее выгодно северное побережье. Отсюда по почтовому тракту до г. Никольска 205 вер., а до Владивостока – 235 вер.»¹⁷

Именно по этой причине, а так же из-за близости Китая – второго потенциального противника России на Дальнем Востоке, в районе зал. Посьета постоянно дислоцировалось достаточно большое количество войск, в сравнении с их общей численностью в округе.

Другим потенциальным противником был Китай, представлявший опасность, прежде всего, на сухопутном театре. Здесь возможно было наступление от г. Хунчуна в направлении зал. Посьета, в силу чего дислоцировавшиеся там войска, при необходимости, могли отражать и сухопутные атаки. Еще одним направлением возможного наступления был «г. Никольск-Уссурийский – узел путей наших от Европейской, Забайкальской и Сунгарийской (через Полтавку) баз и путей в Посьетский и Сучанский районы, а так же креп. Владивосток. Таким образом г. Никольск имеет значение стратегического ключа всего Южно-Уссурийского края»¹⁸.

Это направление прикрывалось следующим образом. Район с. Никольское – с. Раздольное прикрывала 1-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада в составе четырех батальонов. Бригадное управление

находилось в с. Никольском. Там же стояли 3-й и 4-й Восточно-Сибирские стрелковые батальоны. 1-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон стоял в с. Раздольном, 2-й – в ур. Анучино. Из артиллерии в с. Никольском стояла 2-я батарея (с горным дивизионом) Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. В ур. Анучино находилась так же 1-я сотня Амурского конного полка Амурского казачьего войска¹⁹.

Анализ дислокации войск показывает, что ур. Анучино было важным звеном в системе обороны Южно-Уссурийского края от потенциального вторжения из Китая. Во-первых, по его территории проходила линия телеграфа, а во-вторых, через него шла стратегически важная дорога от с. Никольского на р. Уссури, фактически единственная, находящаяся на достаточном расстоянии от границы с Китаем, чтобы не быть перерезанной в первые дни возможного военного конфликта. Эта дорога пролегла по левому берегу р. Даубихэ до ее слияния с р. Улахэ и далее по р. Уссури²⁰. Именно по этой причине, в ур. Анучино всегда дислоцировались не только пехота, но и отряд конницы, представленный обычно сотней забайкальских или амурских казаков.

Стоявший в Анучино 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, по официальным данным, был сформирован 7 мая 1880 г. Формирование производилось в рамках исполнения высочайшего повеления о формировании Восточно-Сибирской стрелковой бригады четырехбатальонного состава – первой и единственной в то время на Дальнем Востоке. На его создание были выделены первые четыре роты Восточно-Сибирского линейного батальона № 2, дислоцировавшегося в г. Троицкосавске Забайкальской области. Поскольку остальные роты этой части были так же использованы для формирования стрелковых батальонов, вошедших в состав Восточно-Сибирской стрелковой бригады, то его предписывалось сформировать заново из Благовещенского местного батальона²¹. Первым командиром 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона был назначен подполковник В.Н. Флоренский, опытный боевой офицер, много лет прослуживший на Дальнем Востоке.

После Кушкинского боя 18 марта 1885 г., единственного крупного сражения в царствование Александра III, англо-русские отношения накалились до предела²². По этой причине, 14 апреля 1885 г. адмиралу У. Доуэллу был дан приказ занять порт Гамильтон (о-ва Комунодо) у берегов Кореи. Английским правительством было принято решение о подготовке возможного удара по российскому Дальнему Востоку. Целями должны были стать Владивосток или зал. Посьета. В июле 1885 г. английская пресса и дипломаты пустили в ход версию, что порт Гамильтон будто бы занят британским флотом для «защиты» Кореи от посягательств России на порт Лазарева и от попыток установить российский протекторат над Кореей.

В то же время, Россия собиралась занимать какой-либо порт в Корее только в случае закрепления о-ва Гамильтон за Англией. Периодически обсуждавшиеся до этого проекты занятия русским флотом незамерзающего порта на Тихом океане дальше кабинетных обсуждений никогда не выходили.

Англия давила на Китай с целью окончательной продажи ей порта Гамильтон. Китай же справедливо опасался, что Англия желает использовать его для конфликта с Россией в своих собственных интересах, а затем либо бросить, либо еще больше закабалить. Под давлением России он отклонил требования Англии. Предлог был весьма весомый: удовлетворение британских требований наверняка повлекло бы за собой занятие портов в Корее Россией и, скорее всего, Японией²³.

В результате, в 1884-1885 гг. в Приамурском военном округе была проведена мобилизация, а весной 1885 г. было произведено сосредоточение 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады к г. Владивостоку, а 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады – к зал. Посьета.

При этом, из ур. Анучино во Владивосток отправился не только 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, входивший в состав 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, но и 1-я сотня Амурского конного полка Амурского казачьего войска. Ее переброска может служить наглядным примером быстроты сосредоточения войск, которое было произведено оперативно, несмотря на сильную распутицу. В 8 часов вечера командующий войсками Приамурского военного округа телеграфировал из Хабаровки в Анучино, чтобы сотня как можно быстрее выступала к Владивостоку, где ожидали высадку англичан. В 7 часов утра следующего дня им была получена ответная телеграмма от командира сотни – «выступил», а через двое суток из Владивостока – «прибыл». «Таким образом, сотня, в течение 2 ½ суток, успела собраться и сделать переход в 200 верст по страшной распутице, не оставив при этом в пути ни одного человека, ни одной лошади»²⁴.

К счастью, конфликта с Британской империей и Китаем удалось избежать. 10 сентября 1885 г. был подписан окончательный протокол по разграничению русской и английской сфер влияния в Афганистане, несколько улучшивший отношения двух стран. Российско-китайские переговоры о границе завершились подписанием 4 июля 1886 г. в ур. Новокиевском общего протокола, а в июне-сентябре и протоколов-описаний границ по участкам. 27 февраля 1887 г. порт Гамильтон был оставлен английским военно-морским флотом.

После сосредоточения, произведенного весной 1885 г., войска вернулись в места своей постоянной дислокации, но не полностью. Так, согласно «Квартирному росписанию войск Приамурского военного округа к 1 июля 1885 г.» 1-я сотня Амурского конного полка Амурского казачьего

войска, 2-я и 4-я роты 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона вернулись в ур. Анучино, а штаб и 1-я рота продолжали оставаться под Владивостоком, «лагерем на Первой Речке», а 3-я рота – «в Госпитальной Пади под г. Владивостоком».

Для обеспечения военных частей продовольствием в Анучино располагался «Анучинский продовольственный магазин 2-го класса»²⁵.

В сентябре следующего, 1886 г., 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон целиком вернулся в урочище. Дислоцировавшаяся там 1-я сотня Амурского конного полка Амурского казачьего войска была переброшена в родные места – г. Благовещенск, где располагался штаб полка и его 2-я сотня. В ур. Анучино ее заменила 5-я сотня 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска.

Ее первая полусотня несла службу непосредственно в урочище, а вторая была разделена на отряды, разбросанные по обширной территории на юго-востоке Южно-Уссурийского края. Полусотня была командирована на р. Сучан, где выставляла отряды: в д. Фроловку – 16 казаков, д. Новицкую – 13, д. Унаши – 10, д. Перетино – 7, д. Петровку (на р. Шадухэ) – 5, д. Шкотову – 5, фанзу Та-Удми – 5 и фанзу Тын-Кон – 5. Это позволяло контролировать мобильными отрядами конницы значительную территорию, заселенную выходцами из Китая и Кореи. Кроме того, от этой сотни в командировке во Владивостоке числились 2 казака и в Хабаровке – 11²⁶. В 1887 г. эти части по-прежнему продолжали нести службу в ур. Анучино²⁷.

Служба в Приамурском военном округе всегда была тяжелой. Центральное военное начальство периодически оказывало помощь, но основные его взоры были сосредоточены на Европе, где усиливались Австро-Венгерская и Германская империи. Из-за нехватки рабочих рук и строительные работы, и хозяйство, и прокладка дорог – все это в значительной степени ложилось на плечи солдат. Кроме того, отряды от воинских частей периодически занимались поиском земель, пригодных для переселенцев. Для войск размещение в ур. Анучино оборачивалось как преимуществами, так и серьезными трудностями. Удаленность от начальства позволяла, с одной стороны, более независимо и эффективно вести хозяйство, а с другой, даже официальные данные Генерального штаба на 1910 г. характеризуют дорогу на ур. Анучино следующим образом: «Никольск-Уссурийский – Михайловское – Осиновка – Казакевичева – Анучино. Обыкновенная грунтовая дорога: от Никольска до Михайловскаго ширина ее до 3-х сажен, грунт глинисто-песчаный, крутых подъемов и спусков нет, долины встречаемых речек болотисты; далее до селения Осиновка ширина дороги до 8 шагов, остальные свойства ее как и на предыдущем участке. От Осиновки до селения Анучино составляет часть старого почтового тракта. На всем протяжении (103 версты) эта дорога грунтовая, шириной не менее 2 сажен, обрытая по

сторонам канавами. Грунт полотна разнообразный, но так как последнее хорошо наезжено, а в низинах, на старых местах, устроены гати, то в общем полотно следует признать вполне удовлетворительным, допускающим движение даже тяжелых повозок во всякое время года без особых затруднений, за исключением нескольких незначительных по протяжению низких мест, где весной, при разливе снеговых вод, а также и во время продолжительных дождей, движение тяжелых повозок может быть затруднено»²⁸.

Транспортные проблемы значительно удорожали жизнь войск, и соответственно требовали либо изыскания дополнительных финансовых средств, либо более эффективного использования имевшихся. Казна старалась, по возможности, материально поддерживать служившие в Приамурском военном округе части. Так, согласно приказа по войскам Приамурского военного округа за № 92 от 7 сентября 1891 г., «Главный штаб, телеграммой от 22 минувшего августа за № 1744, уведомил, что на наем помещений офицерским собраниям, согласно приказа по Военному ведомству 1885 г. за № 97, Военным советом разрешено к отпуску на текущий 1891 г., стрелковым батальонам: семи по 70 руб. и трем по 280 руб.; линейным батальонам: пяти по 60 руб. и двум по 240 руб.; Стретенскому резервному батальону 240 руб.; двум казачьим конным полкам по 320 руб.; двум пешим казачьим батальонам и одному пешему казачьему полубатальону по 240 руб.; конному дивизиону Уссурийского казачьего войска 60 руб. и Восточно-Сибирской артиллерийской бригаде 80 руб., а всего 3850 руб.» Таким образом, 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, расположенный на территории ур. Анучино, получил на наем помещения для офицерского собрания 70 руб. Деньги эти высылались по распоряжению окружного штаба в соответствующие пункты на имя командиров частей²⁹.

Следует отметить, что в этот период ремонт зданий, относящихся к инженерному ведомству, в которых и квартировали войска, часто производился их же силами. Причиной этого была как нехватка рабочей силы, так и хронически недостаточное финансирование Приамурского военного округа. В большинстве случаев разрешалось «отпуск ремонтных сумм производить только по получении от квартирующих ведомостей ремонтным работам и рассмотрении их в Окружном инженерном Управлении». Полагалось «в тех пунктах, где не имеется инженерных офицеров, возложить на квартирующие части и учреждения ремонт крыш и другие работы...» Так, зимой 1891 г. по смете распределения на этот год ремонтной суммы «по зданиям инженерного ведомства Приамурского военного округа, ремонтируемых самими квартирующими» на здания 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона и 5-й сотне 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска, располагавшихся в ур. Анучино, было отпущено 300 и 150 руб. соответственно³⁰.

Мало известен тот факт, что до 1917 г. части российской армии должны были быть до некоторой степени самокупаемыми. Существовала так называемая система «экономических капиталов», которые «в отдельных частях войск назначаются для обеспечения целостности и исправности войскового имущества, а равно для удовлетворения при мобилизации экстренных хозяйственных потребностей самих частей и формируемых при них запасных. По рассмотрении отчетов о хозяйственных оборотах частей за минувший год, начальники дивизий и лица равной власти особыми приказами зачисляются в экономический капитал каждой части все денежные остатки, кроме подлежащих к зачету или образовавшихся от неоконченного довольствия. Капитал каждой части делится на 5 отделов: 1) на предметы срочного снаряжения и бессрочные вещи; 2) обоз, сбрую и подъемных лошадей; 3) оружие; 4) лазарет; 5) музыкантский хор. Начальникам дивизий и лицам равной власти предоставляется определить, сколько необходимо иметь денег в экономическом капитале по каждому из этих отделов... Из экономического капитала расход допускается только с разрешения начальников дивизий на вышеуказанные отделы хозяйства; в других случаях требуется разрешение военно-окружного совета; расходы же на нужды, общие нескольким частям, допускаются лишь с утверждения Военного совета. О состоянии экономических капиталов начальники дивизий и лица равной власти представляют ежегодно командующим войсками, через корпусных командиров, особые ведомости, а затем объявляются в приказе по округу...»³¹.

Все это ложилось достаточно тяжелым бременем на войска, которые в Приамурском военном округе и так достаточно часто отрывали от главного занятия – боевой подготовки. Иногда это приводило к печальным последствиям. 31 декабря 1891 г. командующий войсками Приамурского военного округа генерал-адъютант А.Н. Корф, «рассмотрев представленные начальниками строевых частей сведения о состоянии экономических капиталов», писал, что если в целом «экономические капиталы 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады увеличились в течение года на 4376 руб.», то тем не менее, «остается сожалеть, что крайне расстроенные дела 2-го батальона [2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона – *Р.А.*] отразились на экономическом капитале 4-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, вследствие чего капитал этот не весь состоит на лицо, а только лишь 4516 руб. Предписываю принять все меры к скорейшему пополнению 2-м батальоном позаимствованных денег в экономическом капитале 4-го батальона»³².

В то же время от службы войска никто не освобождал. «Военные занятия», обязательные летние лагерные сборы, как в месте постоянной дислокации, так и общие с другими частями, проводились регулярно. Не обходилось при этом и без происшествий. Например, несоблюдение

правил пристрелки винтовок, а также отсутствие предусмотрительности со стороны ротных командиров во время этого занятия привело весной 1891 г. к несчастному случаю, «последствием чего во 2-м Восточно-Сибирском стрелковом батальоне была смерть ефрейтора 4-й роты Ивана Семёна». «Хотя виновные и привлечены к ответственности, – писал командующий войсками Приамурского военного округа А.Н. Корф в приказе по войскам округа № 105 от 29 мая 1891 г., – но тем не менее, в предупреждение на будущее время подобных несчастных случаев, предлагаю ближайшим воинским начальникам принять строгие меры к пунктуальному и разумному соблюдению подведомственным им офицерским составом установленных постановлением для стрельбы правил и приложить все возможное старание, дабы отеческой заботливой предусмотрительностью начальники ограждали безопасность здоровья и жизни своих подчиненных, призванных к исполнению всеми священного долга службы»³³.

Новобранцы во 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон поступали со всех концов империи. Так осенью 1891 г. его состав пополнился новобранцами в количестве 215 человек: 105 из губерний Западной Сибири и 110 из Европейской России. Всего же, в этом году в войска Приамурского военного округа и Сибирскую флотилию было назначено 6650 человек. «Новобранцы, прибывающие кругосветно из Европейской России, распределяются особой комиссией под председательством коменданта крепости Владивосток и при участии начальника штаба Южно-Уссурийского отдела; новобранцы одного и того же уезда, по возможности назначаются в одну часть, но с тем, чтобы в следующий год часть эта пополнялась новобранцами другого уезда»³⁴.

Дополнительная нагрузка ложилась на плечи не только рядовых, но и на командиров, которые зачастую исполняли сразу по две, а то и по три должности. Так, 10 апреля 1891 г. в приказе командующего войсками Приамурского военного округа за № 55 был объявлен «список командиров частей войск, на которых возлагается исполнение обязанностей воинских начальников в местах их квартирования, по приему и отправлению команд новобранцев, запасных и вообще пересыльных нижних чинов, при следовании в районе округа». В ур. Анучино исполнение этих обязанностей легло на плечи командира 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона³⁵.

Периодически офицеры, служившие в дислоцировавшихся в ур. Анучино частях оказывались на службе и в аппарате военного управления Приамурского военного округа. Так, в приказе от 1 марта 1891 г за № 49 командующий войсками округа писал: «По вступившему представлению, и.д. старшего адъютанта штаба войск Южно-Уссурийского отдела, 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка поручик Чернышёв, командирруется к исправлению одной из имеющихся невакантных

должностей помощника старшего адъютанта штаба вверенного мне округа...»³⁶

Неординарным событием в жизни всего Приамурского генерал-губернаторства стал приезд в 1891 г. цесаревича Николая Александровича. В связи с этим, в «Росписание сборов войск Приамурского военного округа для летних занятий в 1891 г.» были внесены изменения.

По плану, частные сборы у 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, стоявшего в ур. Анучино, и входившего в состав 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, должны были происходить с 15 марта по 10 июля «при батальонных штабах, причем с 1 мая в лагере», а общие сборы – вместе со всей бригадой – «с 15 августа по 15 сентября при с. Никольском». У 5-й сотни 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска, дислоцировавшейся там же, частные сборы должны были происходить «с 10 апреля по 10 мая в местах квартирования» (т.е. в ур. Анучино), а общие – «с 15 августа по 15 сентября при с. Никольском».

Однако было предписано, «по случаю предстоящего приезда Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича войска Южно-Уссурийского отдела сосредоточить при ур. Новокиевском с 1, а в с. Никольском с 5 мая до отъезда из этих пунктов Его Высочества»³⁷.

Из-за покушения в Японии цесаревич прибыл на Дальний Восток не 26 мая, как планировалось, а 11, что было сопряжено со сдвижкой запланированного графика мероприятий и целым рядом трудностей. Во-первых, по свидетельству товарища министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа, «...прибыв во Владивосток... раньше срока, великий князь поставил местные власти в очень затруднительное положение. Многие приготовления не закончены; говорят даже, что на некоторых реках еще ледоход и что большие туманы в это время года весьма затрудняют плавание»³⁸. А, во-вторых, «напуганные «покушением» в Японии, местные власти были озабочены одной мыслью – как бы сошло все благополучно, поскорее бы проводить и сдать [наследника – *Р.А.*] в соседнюю область», что подметил служивший в это время в округе офицер Генерального штаба М.В. Грулев³⁹.

В Никольское наследник престола прибыл 21 мая в 6 часов вечера, где его в торжественной обстановке встретили местные жители. «Смотр войскам гарнизона и казачьим частям» состоялся на следующее утро. В нем приняли участие и войска, дислоцировавшиеся в ур. Анучино: 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон под начальством «временного командующего» батальоном подполковника Гаврино и 5-я Забайкальская казачья сотня, которой командовал сотник Симон⁴⁰. Таким образом, хотя наследник российского престола и не посетил территорию ур. Анучино, но дислоцировавшиеся в нем войска приняли в его встрече в с. Никольском самое непосредственное участие.

За это полагалось офицерским чинам 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона и 5-й сотни 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска, «собранным по Высочайшему соизволению, сообщаемому в телеграмме Начальника Главного штаба, от 9 декабря 1890 г. № 2182 для встречи и представления Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу, в общие сборы в с. Никольском... отпустить суточные лагерные деньги причитающиеся за период этих сборов» с 5 по 28-е мая, т.е. за 22 дня, в установленном количестве⁴¹.

В последующие годы в ур. Анучино по-прежнему находился 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, входивший в состав 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, доведенной в 1890 г. до 5-ти батальонного состава. А вот 5-ю сотню 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска к 1895 г. сменила на этом посту 2-я сотня 1-го Забайкальского казачьего полка, входившего вместе с Приморским конным дивизионом в состав Уссурийской конной бригады⁴². Следует отметить, что речь идет о сотнях одного и того же казачьего полка, так как 24 мая 1894 г. приказом по военному ведомству № 125 было установлено новое наименование строевых частей казачьих войск, без наименования «конный», «пеший» или «конно-артиллерийский»⁴³.

После Японо-китайской войны 1894-1895 гг. началось масштабное усиление российских вооруженных сил на Дальнем Востоке. 28 января 1898 г. 2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон был переформирован в двух батальонный 2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, и позднее отправлен в Квантунскую область, охранять арендованные Россией территории.

Участвовал он и в боевых действиях в Китае в 1900 г., где три его роты, начав штурм Пекина, первыми вошли в городские ворота вслед за генералом Василевским. «Ровно в 2 часа ночи раздалось восторженное русское «ура» стрелков и артиллеристов – запор был сбит гранатой и ворота растворены. Генерал Василевский смело вошел первым в ворота, за которыми оказался мощный двор и вторые, полузатворенные ворота, которые вели на улицу. Ворота Пекина пали под русскими орудиями. Башня над воротами была покинута китайскими часовыми и на ней воздвигнут русский флаг, который, как символ победы и освобождения, первым взвился над стенами столицы богдыханов. Две роты 2-го полка [2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк – *Р.А.*] были сейчас же посланы занять стену, прилегающую к воротам. 1-я рота того же полка была оставлена для охранения ворот», – писал присутствовавший при этом военный журналист «Нового Края» Д.Г. Янчевецкий⁴⁴. Таким образом, военная часть, история которой неразрывно связана с историей ур. Анучино, стала первым русским полком, вошедшим в столицу Китая⁴⁵.

Позже, 19 февраля 1903 г., трем ротам этого полка: 4-й, 5-й и 7-й – были пожалованы три сигнальных рожка, каждой по одному, с надписью «За взятие Пекина 1 Августа 1900 г.»⁴⁶.

Оказавшись снова в России, полк уже не возвратился в ур. Анучино. Согласно «Краткому росписанию сухопутных войск исправленному по 1 июля 1903 г.» местом его дислокации был г. Никольск-Уссурийский. Примечательно это расписание еще и тем, что наглядно демонстрирует степень осведомленности центральных военных властей о делах на «дальневосточной окраине». В рукописном тексте, слово «урочище» сокращали либо как «уроч.», либо как «ур.», что при небрежности писарей иногда приводило к курьезам. Так, в рассматриваемом расписании указано следующее: «1-й Читинский Забайкальский казачий полк. Полковник Павлов. *Штаб у р. Анучино*». Эту лаконичную запись по всем правилам русского языка того времени следует понимать так: Штаб 1-го Читинского Забайкальского казачьего полка, которым командует полковник Павлов, дислоцируется у реки Анучино. Разумеется, такой реки в реальности не существовало⁴⁷! Следует также отметить, что во всех дореволюционных военных документах дислокация войск указана именно в урочище Анучино, а не в селе или деревне.

Интересно, что история ур. Анучино могла сложиться совершенно иначе, и связано это было с тем, что Приамурский генерал-губернатор настаивал на проведении через него конечного участка Великого Сибирского железнодорожного пути.

К концу 80-х гг. XIX в. идея строительства железной дороги, которая соединила бы Европейскую и Азиатскую части России, витала в воздухе уже достаточно давно. Военно-политические кризисы 1882-1887 гг. только ускорили этот процесс, как ускорили они и процесс создания Приамурского военного округа.

Изыскания на Уссурийском участке Великого сибирского пути начались в сентябре 1887 г. Примечательно, что местные власти значение будущей дороги видели, прежде всего, со стратегической, а не с экономической стороны. Командующий войсками Приамурского военного округа А.Н. Корф всячески настаивал на проектировании линии дороги с учетом всех стратегических нужд. По его мнению, она должна была пройти через наибольшее число ключевых пунктов Южно-Уссурийского края, облегчая тем самым переброску войск, и, кроме того, желательным было ее проведение не вдоль границы с Китаем, где она могла бы легко подвергнуться нападению. Ожидая прибытия экспедиции под начальством инженера путей сообщения Урсати «для производства изысканий для постройки железной дороги в Южно-Уссурийском крае», командующий войсками округа назначил Генерального Штаба полковника Надарова «состоять при означенной экспедиции для оказания ей возможного содействия в смысле выбора наиболее выгодного направления линии и

приискания средств для удешевления как изысканий, так и самой постройки этой дороги». В инструкции, полученной Надаровым, указывалось, что «при выборе направления железной дороги в Южно-Уссурийском крае нужно руководствоваться следующим: 1) Главная цель постройки железной дороги от Владивостока к реке Уссури состоит в том, чтобы ускорить и обеспечить доставку войск и грузов от реки Амура к Владивостоку. ... 4) Железная дорога должна быть проложена в возможно большем удалении от нашей государственной границы с Китаем. 5) На всем протяжении полуострова «Муравьев - Амурский» должна быть насколько возможно укрыта от выстрелов с моря. ... 7) Передвижение по ней грузов должно быть насколько только возможно обеспечено от всяких случайных задержек»⁴⁸.

Настойчивые обращения А.Н. Корфа возымели действие. На свое письмо от 7 декабря 1887 г. за № 804, он получил ответ из Министерства путей сообщения от 16 января 1888 г. за № 903 «что начальнику экспедиции по изысканиям Уссурийской железной дороги, инженеру Урсати, телеграммой от 23 декабря минувшего года [т.е. 1887 – *Р.А.*] предложено произвести, сверх избранного им ныне направления Уссурийской железной дороги в обход Анучина, также подробные исследования и по направлению, указанному журналом совещания 4-х министерств с тем, чтобы линия была проведена или от Владивостока на Анучино до Буссе с отдельной веткою на Раздольное и Никольское, или же без сей ветки от Владивостока на Раздольное, Никольское и Анучино до Буссе, причем инженеру Урсати предложено обратить особое внимание на выбор пункта для перехода через р. Уссури и иметь в виду, что означенный переход должен быть выбран между Нижне-Романовском и Тихменевою и во всяком случае не ниже сей последней, и что линия должна быть окончена у ст. Буссе, а не у Графской, как ныне предположено начальником экспедиции»⁴⁹.

В то же время, сложная финансовая ситуация в стране и необходимость максимально быстрой прокладки дороги заставляли часто пренебрегать стратегическими соображениями. Так, в телеграмме от 29 февраля 1888 г. военный губернатор Приморской области генерал И.Г. Баранов жаловался в Петербург находившемуся там в это время генерал-адъютанту барону А.Н. Корфу: «По заявлению Урсати, ему в инструкциях нигде не указывается брать в расчет стратегические соображения и поэтому все его стремление проектировать линию в условиях возможно большей дешевизны и удобства эксплуатации»⁵⁰. Последнее же, в большинстве случаев, вступало в прямое противоречие со стратегическими соображениями.

14 августа 1888 г. на Хабаровском телеграфе была получена телеграмма из Петербурга от Временно управляющего Министерством путей сообщения Сомова. Он сообщал, что по поступившей в

министерство информации, инженер Урсати к августу текущего года завершит изыскания на направлении Владивосток, Раздольное, Никольское, Дубининска, Осиновка, левее предгорьев Лефу, Тудагоу, на Анучино и далее к ст. Буссе. Аналогичным образом обстоят дела и с изысканиями в середине п-ова Муравьева-Амурского. По его мнению, в случае строительства дороги на этом направлении «работа потребует громадная с тоннелями, крутыми уклонами». По этой причине, а так же «при недостатке денежного кредита и затруднительности возвращения комиссии зимою» Урсати было дано разрешение на направлении от Владивостока по долинам рек Лянчихе или Тангауза, Майхе и Даубихе «ограничиться личным осмотром местности без подробной рекогносцировки»⁵¹.

Сохранилась телеграмма из Петербурга, полученная на Хабаровском телеграфе 10 сентября 1888 г. Она написана на бланке простым карандашом, торопливым и плохо разборчивым почерком телеграфиста, без знаков препинания и разбивки на предложения. Поэтому смысл некоторых фраз только угадывается, однако, возможно именно она сообщила местному начальству о фактическом прекращении работ над альтернативным маршрутом прокладки Уссурийской железной дороги⁵². В ней говорится, что альтернативный вариант прокладки железной дороги, с прохождением через территорию ур. Анучино представлялся крайне сложным и дорогим: «предельные уклоны» рельсового пути, извилистая железнодорожная линия с очень малыми радиусами поворотов, необходимость постройки тоннелей – все это привело к тому, что от проведения железной дороги этим путем, более удовлетворяющим стратегическим требованиям, было решено отказаться...

Подводя итог, хочется сказать, что история ур. Анучино, насыщенная интересными событиями и неразрывно связанная с процессом формирования российских вооруженных сил на Дальнем Востоке, еще только ждет своего исследователя.

---

¹ Приморский край. Топографическая карта. Масштаб 1:200000. Карта составлена, подготовлена к печати и отпечатана на ВСК ДВО. ВТУ ГШ, 1992. – С. 82.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. М.: «Русский язык», 1990. – С. 836; Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред.: А.М. Прохоров. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – С. 1643; Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 27. М.: «Советская энциклопедия», 1977. – С. 87.

³ Анучинскому району – 70 лет (статистический сборник). Владивосток, 2005. – С. 11.

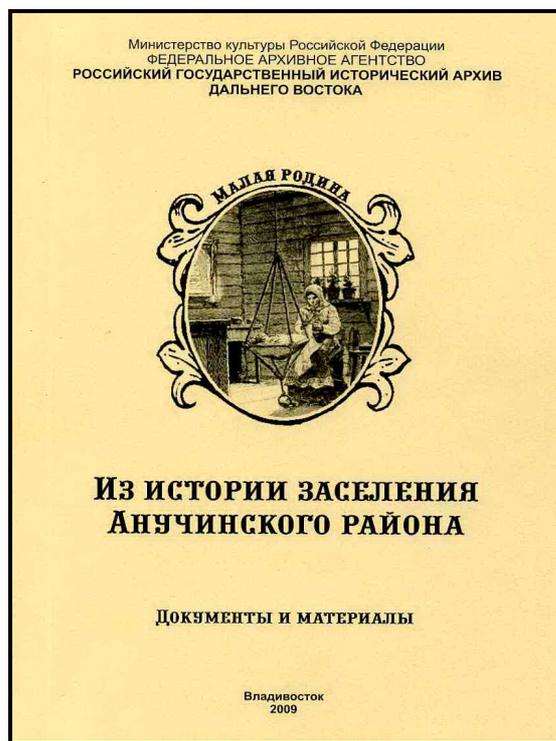
⁴ Унтербергер П. Ф. Очерк Приморской области 1856-1898 гг. СПб., 1900. – С. 231.

⁵ Маршрут для цесаревича: Документы и материалы. Владивосток, 2001. – С. 19.

⁶ Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 июля 1880 года. – С. 65, 69.

-
- ⁷ Хисамутдинов А.А. Terra incognita или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – С. 118.
- ⁸ Карта Уссурийского края. Сост. по карте Шварца и карте Южно-Уссурийского края, изданной в Иркутске чинами Генерального Штаба, в 1866 году.
- ⁹ Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 декабря 1883 года. СПб.: Военная типография, 1883. – С. 63.
- ¹⁰ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – С. 17.
- ¹¹ Хисамутдинов А.А. Указ. соч. – С. 116 - 117.
- ¹² Высоков М.С. Очерки истории связи на Дальнем Востоке (30-е гг. XVIII-начало XX вв.) Препринт. Южно-Сахалинск, 1985. – С. 24, 29, 30.
- ¹³ Карта Уссурийского края. Сост. по карте Шварца ...
- ¹⁴ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867-1869 гг. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1990. – С. 65.
- ¹⁵ Высоков М.С. Указ. соч. – С. 31.
- ¹⁶ Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток. 1868 г. СПб.: Изд-во «Остров», 2004. – С. 100 - 101, 111.
- ¹⁷ Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны в 9 тт. Т. 9. СПб., 1910. – С. 144.
- ¹⁸ Там же. - С. 146.
- ¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1. Л. 85, 86, 86об.
- ²⁰ Дальний Восток. Пути сообщения. Т. 2. СПб.: Типография Главного управления Генерального штаба, 1911. – С. 367.
- ²¹ Стрелковые части. Изд. 2-е. Исправлено и дополнено под реакцией В.К. Шенк. По 10 февраля 1910 г. Справочная книжка императорской Главной квартиры. – С. 35; Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 июля 1880 г. – С. 65, 69.
- ²² Завоевание Средней Азии. Очерк Генерального штаба полковника А.Д. Шеманского // История русской армии. М.: Эксмо, 2007. – С. 586 - 589.
- ²³ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860-1895 гг. М.: Наука, 1956. – С. 378, 383 - 384.
- ²⁴ Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891. – С. 143.
- ²⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1. Л. 85, 86об., 87.
- ²⁶ Там же. Д. 57. Л. 33, 34об., 35.
- ²⁷ Там же. Д. 90. Л. 9, 10об., 11об.
- ²⁸ Дальний Восток. Пути сообщения... С. 358 - 359.
- ²⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147 (ч. 2). Л. 111-111об.
- ³⁰ Там же. Д. 147 (ч. 1). Л. 41, 41об, 42.
- ³¹ Энциклопедия военных и морских наук./ Сост. под гл. ред. Генерал-лейтенанта Леера, заслуж. профессора Николаевской академии Генерального Штаба. Т. 8, СПб.: Типография Безобразова и К, 1895. – С. 407.
- ³² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Л. 299, 299об.
- ³³ Там же. Л. 123.
- ³⁴ Там же. Л. 207, 207об, 209об.
- ³⁵ Там же. Д. 147. Л. 66об.
- ³⁶ Там же. Д. 147. Л. 62.
- ³⁷ Там же. Л. 100об., 101об., 103.
- ³⁸ Ламздорф В.Н. Дневник 1891-1892 гг. Воспоминания. Мемуары. Мн. : Харвест, 2003. – С. 148.

-
- ³⁹ Грулев М.В. Записки генерала-еврея / Примеч. В Климанова и Е. Филиппова. М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. – С. 176 - 177.
- ⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ⁴¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Л. 140-140об.
- ⁴² Там же. Д. 206. Л. 6.
- ⁴³ Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. По 1 Апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. СПб, 1912. – С. 295.
- ⁴⁴ Янчевецкий Д.Г. У стен недвижимого Китая. Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в 1900 г. // Янчевецкий Д.Г. 1900 г. Русские войска штурмуют Пекин. М.: Яуза; Эксмо, 2008. – С. 452.
- ⁴⁵ Стрелковые части. Изд. 2-е. Испр. и доп. под ред. В.К. Шенк... С. 35.
- ⁴⁶ Там же С. 35.
- ⁴⁷ Краткое росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 июля 1903 г. (В лагерях и подвижных сборах войска, кроме Варшавского военного округа, показаны за время с 1 по 31Августа). СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1903. – С. 166.
- ⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 33. Л. 64-66.
- ⁴⁹ Там же. Л. 96-96об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 103.
- ⁵¹ Там же. Л. 107-108.
- ⁵² Там же. Л. 119.
-

Из истории заселения Анучинского района: документы и материалы.
Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2009. – 220 с.